

Наталья Альха

Дочери Короля

Книга Первая

темное средневековое фэнтези

18+

Наталия Альха

Дочери короля

<https://litres.ru/74062614>

SelfPub; 2026

Аннотация

У короля было три дочери. Старшая принцесса мечтала однажды занять престол, но рождение брата лишило её прав на наследство. В отчаянии она обратилась к тёмным силам, и за это была заточена в башню.

Средняя принцесса жила книгами, а младшая любила танцы, музыку и баллады о любви, и пожелала того, кого желать нельзя – жениха средней сестры. Она попросила старшую принцессу, которую все считали ведьмой, сделать ей приворотное зелье. Но за всё надо платить.

Победит ли старшая принцесса зло, охватившее ее душу, или сдастся демону, который хочет сделать ее своей? На что может пойти младшая ради любви? И выстоит ли средняя в противостоянии двум сестрам, которые обе оказались не на ее стороне?

В темном мире средневековья, где колдовство реально, а спокойные времена сменяются неминуемой войной, разворачивается история людей, у каждого из которых своя правда.

Наталья Альха

Дочери короля

Глава 1

Гаррэт миновал подъёмный мост и остановил коня в тени арки ворот, где четверо стражников охраняли проезд. Он достал из седельной сумки грамоту с королевской печатью, но солдаты не стали изучать ее, им было достаточно гербов на одежде Гаррэта и его спутников. Или стражники попросту узнали его в лицо. Гаррэт возвращался на службу к королю Луарона после долгой отлучки. Его сопровождали несколько вооруженных слуг и паж.

– Проезжайте, дэйн Гаррэт, – капитан смены махнул рукой, и солдаты расступились, давая дорогу всадникам.

После долгого пути Гаррэт чувствовал себя уставшим от жары, его клонило в сон. Он предпочитал ехать с непокрытой головой, надеясь на освежающий ветер и на то, что его светлые волосы притягивают немного солнечных лучей, но его расчеты оказались неверны, ему все-таки напекло голову.

Большой двор королевского замка оказался полон людей, и это сильно контрастировало с тихими городскими улицами, по которым только что ехал Гаррэт. Молодой человек тут же забыл о своем желании отдохнуть. С ристалища через бо-

ковые ворота под южной башней возвращались воины после конной тренировки. Двор звенел от их разговоров и смеха, и от фыркания взмыленных лошадей, которых конюхи заводили в конюшни.

Не успел Гаррэт спешиться и отдать поводья своим слугам, как услышал знакомый голос:

– Неужели Гаррэт Орикен к нам пожаловал!

В центре двора, у колодца, Гаррэт увидел своих друзей – Бримона, Сайна и Данэля. Бримон шагнул к нему и наградил крепким рукопожатием, сжав руку у самого локтя. Бримон радостно смеялся, с его волос на рубашку капала вода – он только что поливал голову из кадки, чтобы освежиться. Гаррэт нашел, что его друзья, закончившие изнурительную тренировку, выглядят бодрее, чем он после долгой дороги.

– Жаль, ты не приехал раньше, – сказал Бримон. – С этими скучно, они летают из седла только так. Сайн сегодня два раза месил конский навоз.

– Не придумывай, – отпирался Сайн, – ничего я не месил. Ты вышиб меня один единственный раз. И никакого навоза там не было.

– Я немного сгущаю краски, – Бримон жадно отпил воды из кадки. – А сколько я об тебя копий сломал, вообще не считать. Но моя заслуга в том невелика, в тебя легко попасть, ширина твоего упитанного тела позволяет даже не целиться.

Сайн в ответ плеснул в Бримона водой, тот, смеясь, ответил тем же, и они продолжили свои препирательства.

– Месяц тебя не было или даже больше? – прикинул Данэль, высокий темноволосый молодой человек.

– Король отпустил меня на сорок пять дней, и, кроме как погостить у своего отца и матушки, я навестил барона Кирса, а это большой крюк, – Гаррэт заправил выгоревшую прядь волос за ухо, чтобы легкий ветерок перестал сносить ее на лицо.

– К Элисане ездил? – Данэль кивнул с понимающей улыбкой. – И скоро ли свадьба?

– Кирс сказал, что выдаст ее за меня не раньше, чем я стану рыцарем. Он человек непростой. Намекал, что если бы я остался у него на службе, он давно бы меня посвятил.

– Ха, он думает, что ты отказался бы от места оруженосца самого короля, чтобы служить ему, Кирсу? – Данэль усмехнулся, недоуменно подняв брови.

Их разговор прервал Сайн, который не слишком громко, но так, чтобы друзья услышали его среди шума, сообщил:

– Ее величество идет.

В дальнем конце двора по ступенькам главного выхода из дворцовой части замка спускалась королева Анхейлис, окруженная обширной свитой из придворных дам. Эта толпа растянулась по краю двора. Подобрал подолы платьев, женщины неспешно шли в замковый сад.

Все люди, что были во дворе, застыли в поклоне. Громкие разговоры прекратились, только лошади продолжали ржать и фыркать.

Бримон не спускал глаз с одной из девушек, идущей рядом с королевой. Ее яркие рыжие волосы сияли на солнце. Девушка улыбнулась Бримону, но тут же отвернулась.

– Все еще видишься с ней? – Гаррэт покосился на Бримона.

– Не твое дело, – коротко ответил тот.

– Судя по всему, да, – заключил Гаррэт. – Король не простит тебя, если узнает.

– Она влюблена в меня по уши, – Бримон самодовольно улыбнулся.

– Сегодня влюблена, а завтра нет, – прокомментировал Данэль. – А ты можешь за это поплатиться.

– Ты сильно рискуешь, Бримон, – добавил Гаррэт.

– Риск это благородно, – Бримон стал прочищать ухо от воды, глядя, как толпа дам втекает под арку галереи, отделяющей замковый двор от сада. – Не могу же я разбить ей сердце.

– Ничего с ее сердцем не случится. Только споет пару тоскливых песен под свою лютню, – Сайн усмехнулся.

– Король не торопится выдавать своих дочерей замуж, торгуется о выгодных династических браках, вот девица и заскучала, – заключил Данэль. – У моей матушки в ее восемнадцать лет уже был я и моя сестра.

– Остальные принцессы что-то не скучают, – заметил Гаррэт.

– Средней некогда скучать, – сказал Бримон, – она целы-

ми днями в библиотеке или в храме. Ее младшая сестричка мне рассказала, что средняя ведет жизнь чуть ли не монашки, и очень донимает мою возлюбленную своими нравами. А старшая сильно изменилась за последний год, характер совсем испортился.

– Да, старшая странной стала, как будто бес в нее вселился, – подхватил его слова Данэль, – А раньше мне казалось, что она ничего такая. Мне нравятся высокие и стройные. Я даже был рад, когда король Ривальд попросил меня научить ее заряжать арбалет. Говорила она со мной тогда без всякого высокомерия, даже смеялась над моими шутками, и сама шутила. А теперь она совсем другая. Взгляд холодный, отстраненный. Улыбки не дожدهшься.

– Под ее взглядом я как на эшафоте себя чувствую, – закивал Сайн. – Благо, она и не смотрит на меня почти никогда. Она не была такой раньше.

– А какой была, пялилась на тебя что ли? – засмеялся Бримон.

– Даже если бы и пялилась, я предпочитаю простолудинок, – Сайн усмехнулся. – С ними проще, и риска никакого.

– Видел я недавно девку с кухни с жирнющим младенцем на руках. Твой бастардик? – Бримон ехидно сощурился.

– А может и мой, – Сайн снова плеснул в друга водой из кадки. Бримон весело загоготал и ответил тем же.

Сад блестел от солнечных лучей, пробивающихся сквозь

кроны. Птицы заливались на все голоса. Королева Анхейлис, три ее дочери и дамы из свиты отдыхали в тени цветущей яблони. Одна из старших фрейлин читала вслух «житие святой Аглаис», держа на коленях раскрытый том рукописи. Разморенная ее монотонным голосом, королева Анхейлис начала уже проваливаться в сон, полулежа на покрывале среди сочной весенней травы, когда вдруг одна из дам тихо позвала ее:

– Ваше величество, кажется, сюда идет Его Величество король Ривальд.

Анхейлис очнулась от дремоты, и младшая из ее дочерей, принцесса Амила, поправила жемчужную нить в волосах королевы, таких же рыжих, как у нее самой.

Из-за деревьев показался король в компании нескольких приближенных. Плотная рельефная фигура выдавала его силу, а выпирающий живот свидетельствовал о любви к сытным трапезам и вину. Его волосы, почти седые, с небольшим количеством темных прядей, доставали до плеч, а лицо было гладко выбрито.

Увидев Ривальда, дамы встали и поклонились, и три его дочери сделали тоже самое, только королева осталась сидеть на траве. Король подал ей руку, чтобы помочь подняться. Несмотря на учтивую улыбку мужа, Анхейлис заметила в его серых глазах недовольство.

Анхейлис взяла под руку короля, и он повел ее по дорожке сада, сделав знак придворным, чтобы они оставили их вдвоем.

– Как прошли переговоры, мой король? – поинтересовалась Анхейлис.

– Как вы знаете, некоторое время назад я предлагал Джафриду Бергедонскому заключить торговый договор, в знак моих добрых намерений, – король начал издали. – Я надеялся, что наши разногласия будут забыты. Казалось бы, он пошел еще дальше, и предложил династический брак между его племянником, герцогом Деспаром, и одной из наших дочерей.

– Выдать нашу дочь замуж за бергедонца? – королева с недоумением посмотрела на мужа, а потом сказала, задумчиво: – Если это будет залогом добрососедских отношений, возможно, нам стоит подумать. Наша младшая дочь еще никому не обещана, а герцог Деспар владеет почти четвертью земель королевства Бергедон. Тем более, что у короля Джафрида Бергедонского пока нет детей, и если они не появятся, Деспар останется главным наследником.

– Неужели вы всерьез рассматриваете его предложение, голубушка моя? – в голосе короля слышались нотки негодования, которое возрастало с каждым его словом. – Очевидно, он смеется надо мной, потому что в качестве приданого он запросил половину земель Старой Норгонны, которые я вернул когда-то, ценой жизни наших славных доблестных воинов. Это наглость поистине неслыханная! Да и если бы это были не Норгоннские земли, а какие-либо другие, стал бы я давать такое обширное приданое за дочь, еще и млад-

шей? Определенно нет! – Ривальд краснел от злости, и не мог остановить поток своего возмущения. – Где это видано, отправить послов, которые будут шутить таким нахальным образом, смотря мне в глаза так, будто ничего особенного они не предлагают?

– Судя по всему, бергедонский король намекает, что он не смирился с потерей Норгонны его родом, – вздохнула Анхейлис. – Если вы хотите наладить отношения с Бергедоном, возможно, стоит предложить как приданое малую часть из тех земель? Небольшую, но все-таки относящуюся к Норгонне. Как жест доброй воли. А если наша дочь овдовеет, земли эти так или иначе останутся ее собственностью.

– Ни версты Норгоннских земель он не получит, ни в каком виде, – выпалил Ривальд. – Как бы это выглядело? Что я согласен с ним в его притязаниях, или не уверен в законности своих? Определенно, это выглядело бы именно так!

– Вы правы, мой король. Такие заявления послов больше похожи на провокацию, – заключила Анхейлис, поправляя рыжие локоны.

Где-то в кроне цветущей яблони заливалась малиновка, и взгляд королевы блуждал между ветвей, ища птичку среди солнечных бликов. Спокойствие весенней природы контрастировало с волнующим разговором, а Анхейлис совсем не хотелось нервничать.

– Я приказал выдворить послов из города, – сказал король со смесью досады и негодования в голосе, – и велел им воз-

вращаться, когда их правитель протрезвеет от своих беспробудных кутежей и посмотрит на вещи более ясным взором. Они уже едут обратно, не получив достойного приема.

– Мой король, если бы степень вашей добродетели равнялась вашей вспыльчивости, вы бы уже были святым, – королева покачала головой. – Как бы это не довело нас до новой войны.

– А как? как я должен был спокойно выслушивать эти наглые речи? – Ривальд вытер пот со лба рукавом своего лазурного, расшитого золотыми нитями котарди, которое выглядело парадно, но было слишком теплым для такой жары. – Что он о себе думает, этот Джафрид? Его предки стали называться королями буквально вчера, и то, по недоразумению. Но нам с вами известно, что Бергедон это всего лишь провинциальное Норгоннское герцогство. Он должен быть мне благодарен, что я отказался от притязаний на свой над ним сюзеренитет. Вот это был жест доброй воли, и этого с него хватит!

Малиновка прекратила свою песню, вспорхнула и скрылась в листве, блеснув оранжевой грудкой.

– Не горячитесь, мой король, – Анхейлис говорила спокойно и мягко. – Без сомнений, Джафрид не прав. Сдается мне, он носит в своем характере ту же вспыльчивость, что и вы, доставшуюся вам обоим от общего прапрадеда, Норгоннского короля Трира Злого. Но необузданность характера лишь разжигает распри. А решить разногласия способен

только лишенный гнева диалог.

– Вы как всегда рассудительны, моя голубушка, – ответил Ривальд.

Супруги неторопливо двигались по мощеной камнем дорожке в сторону яблонь, под которыми остались принцессы и придворные. Помолчав некоторое время, Анхейлис вдруг сказала тихо:

– Я бы хотела посоветоваться с вами. Не пора ли рассказать нашим дочерям о том счастье, которое даровал нам Бог?

– В этих вопросах я вам не советчик. Поступайте, как знаете, – отмахнулся Ривальд, поглощенный мыслями о бергедонских послах.

– Я скажу им прямо сейчас.

– Конечно, голубушка, обрадуйте их. Но мне пора. Начало заседания совета я назначил на ближайшее время. Меня уже ждут.

Король Ривальд поцеловал тонкие пальцы супруги и знаком подозвал свою свиту, чтобы отправиться по делам, а королева снова устроилась на покрывале среди сочной травы и приказала дамам временно удалиться, оставив рядом с собой только троих дочерей.

– Я хочу поведать вам одну прекрасную новость, дети мои, – королева Анхейлис была взволнована. – Свершилось то, чего я ждала так много лет! Вы стали совсем взрослыми, и я уже не питала надежды, – Анхейлис сделала долгую паузу, не в силах сдержать ясную улыбку, и сказала тихо, но торже-

ственно: – В моем чреве появилась новая душа!

– Слава всевидящему Олэму, матушка! – воскликнула Авэйна, средняя сестра.

– Неужели, матушка?! – Амилла, младшая принцесса, просияла.

Старшая дочь, Эрис, молчала, как будто не сразу поняла, что значат слова Анхейлис. Она оглядывала матушку и сестер блуждающим взглядом. Встретившись глазами с Авэйной, которая с недоумением смотрела на нее, Эрис все же произнесла, но без всякого выражения:

– Какая радость, матушка!

Средняя и младшая дочь стали засыпать мать вопросами о разном – сроках появления на свет нового члена семьи, о самочувствии; а Эрис следила за разговором молча, машинально глядя прядь своих темных волос, и учтиво улыбалась одними губами, в то время как взгляд ее оставался отстраненным, и королева заметила это. Анхейлис ничего не сказала старшей дочери, но Эрис увидела в ее глазах вопрос.

– Кажется меня совсем доконала эта жара, – произнесла Эрис с усталым вздохом, – мне что-то нездоровится сегодня. Матушка, позвольте мне удалиться в свои покои.

Королева ответила:

– Конечно, Эрис, я и сама собиралась пойти отдохнуть, и даже немного вздремнуть. Мое положение требует не пренебрегать отдыхом.

– А мы с Амиллой пойдем в храм, – Авэйна тут же вско-

чила на ноги, – помолимся за вас и будущего ребенка.

Рыжая Амилла вздохнула. Молиться ей было скучно, но отказ выглядел бы богохульством и дерзостью.

Две принцессы неспешно направились в сторону замкового храма. Они шли между цветущих яблонь и кустов белых роз, которые уже начинали раскрывать свои бутоны. Несколько придворных дам следовали за ними.

– Ты заметила, как отреагировала Эрис, когда узнала, что матушка ждет ребенка? – Авэйна взяла Амиллу под руку и говорила тихо.

– Мне показалось, что она была встревожена, – Амилла нахмурилась от внезапно пришедшей ей на ум пугающей мысли. – А ведь и правда, вдруг матушка не переживет рождение?

– Меня это тоже беспокоит. Но Эрис печалится по другому поводу, – голос Авэйны был полон уверенности. – Она все время кичилась тем, что является единственной наследницей престола. А ведь если родится мальчик, ей не видать трона.

– Если это действительно для нее важно, то я ей сочувствую, – Амилла пожала плечами.

– Ты сочувствуешь ей? Ее алчности и пустым амбициям? – Авэйна недоуменно подняла брови, – А мне жаль ее заблудшую душу. И я была бы очень рада, если бы у нас родился брат, потому что Луарон постигнут беды и несчастья,

если Эрис когда-нибудь станет королевой.

– Почему же беды и несчастья? – недоверчиво и немного растерянно спросила Амилла.

– Ты не помнишь, как больше года назад она повстречала в лесу чвыря? Королева, которая была околдована взглядом этого лесного черта, не сможет быть справедливой и тем более доброй. Ведь нельзя не заметить, как испортился ее характер с тех пор.

– Я уж и забыла об этом происшествии, – задумчиво сказала Амилла.

Младшая принцесса вспомнила тот случай. Это было во время королевской охоты. Лошадь, на которой ехала Эрис, испугалась внезапно упавшей ей на голову сухой ветки и понесла. Принцесса сумела удержаться в седле, но она оказалась в чаще леса одна, отбившись от остальных всадников. Там, куда никогда не заезжают охотники, где лошадям сложно пробраться между густого подлеска, и дневной свет плохо проникает сквозь густые кроны.

Как потом рассказывала Эрис, она увидела там настоящего лесного черта. Чвырь притаился между деревьями. Нечистый стоял на своих тонких кривых ногах, вцепившись в землю когтями, такими же черными, как и сам чвырь, и смотрел на Эрис. Его красные глаза притягивали и завораживали, и принцессе было сложно отвести от него свой взгляд, хотя внешность его была безобразной. Морда у него была круглая, большие черные дыры ноздрей располагались чуть

ниже глаз, из пасти торчали кривые клыки. Уши походили на перепончатые лапы водоплавающей птицы. Его костлявое тельце было длиною не больше локтя, вдоль спины торчал гребень, сходя на нет у начала тонкого и длинного как у крысы хвоста.

Эрис знала с детства, как и все, что если не отвернуться от взгляда чвыря, он посеет зло в душе. Даже ее лошадь, увидев нечистого, не заржала, а остановилась и замерла, будто окаменела. Эрис смотрела, замороженная, в глаза черту, пока не услышала звуки охотничьего рога вдали, сигналившего, что кабан загнан в ручей, и наступил момент взять дичь. Это вывело принцессу из оцепенения. Очнувшись и испугавшись не на шутку, принцесса хотела застрелить черта из арбалета, но не успела зарядить свое оружие, как нечистый скрылся в кустарнике. Лошадь вышла из оцепенения, когда чвырь исчез. Люди короля, отправившиеся на поиски Эрис, встретили испуганную принцессу, которая смогла найти обратную дорогу, ориентируясь по звуку рога. Она путано рассказала о приключившемся с ней происшествии.

– На ее месте, я бы день и ночь проводила в молитвах, чтобы не дать злу пустить корни в душе, – сказала Авэйна, – Она же ходит в храм только на службы, вместе со всеми.

– Сразу после этого случая ее обязали молиться в храме восемь раз в день в течении нескольких месяцев, ты помнишь? – Амилле было не по себе от воспоминаний об этой истории. – Духовенство сочло это достаточным, учитывая,

что Эрис вела себя как обычно, и ничем не отличалась от прежней.

– А я считаю, что этого было недостаточно, и ей не следовало прекращать усердные молитвы и по сей день, – возразила Авэйна. – Если ты не помнишь, ее лошадь в течении года тоже вела себя как обычно, а потом взбесилась, укусила конюха, который хотел заплести ее гриву в косы, и запинала его так, что он и не оправился. И ржание ее было похоже на хохот. Не просто так эту лошадь пришлось умертвить, а ее труп сжечь.

– Может лошадь подхватила какую-то лошадиную болезнь, – Амилла пожала плечами.

– А мне очевидно, что это было влияние чвыря, – Авэйна стояла на своем.

Придворные дамы шли позади принцесс, и вряд ли слышали, о чем те разговаривают. Принцессы старались общаться как можно тише.

– Сестрица, у нас что, новый садовник? – Амилла заметила молодого парня у куста белой розы, который обрезал ветки, засохшие за зиму.

– Похоже на то, – Авэйна пожала плечами. – Я слышала, что старый Берт совсем ослеп, и на его место взяли нового работника. Но такие мелочи не должны тебя волновать, сестра. Не забывай, что ты дочь короля.

– Ты права, – улыбнулась Амилла, не отрывая взгляда от кудрявого парня, который, увидев принцесс, низко покло-

нился.

Авэйна дернула сестру за рукав и строго сказала:

– Амилла, веди себя скромнее, неприлично так смотреть!

Переступив порог господней обители, сестры замолчали. Полумрак и прохлада этого святого места, запах благовоний и царившая здесь тишина умиротворяли и настраивали на молитву. Девушки молча совершили поклон и, омыв пальцы святой водой из купели, как того требовал обычай, пошли к алтарю между резных скамей. Со старинных фресок глядели святые. Эти фрески Авэйна помнила с детства. Тогда она воспринимала изображенных на стенах персонажей как настоящих, и думала, что они выглядят именно так у себя на небесах.

В отличие от Авэйны, Амилла чувствовала себя здесь не так уютно – ей казалось, что она вся на виду у Всевышнего Олэма. Но она знала – что нет никакой разницы, в храме она или нет, ведь религия Эмаатства считает своим главным символом Око Олэма – знак того, что ничто не укроется от Бога, ни поступки, ни мысли, где бы ты ни находился. Верующие носят этот знак на шее, этот символ венчает купола соборов, и главное окно в храме имеет форму этого знака – маленький круг в большом круге и от одного к другому расходятся восемь лучей, по два с каждой из четырех сторон.

Принцессы и дамы встали на колени перед алтарем, и сложили перед собою руки.

– Повторяйте за мной, – тихо сказала Авэйна.

– Сестрица, не лучше ли нам помолиться молча? – предложила младшая принцесса.

– Я не уверена, что ты хорошо помнишь текст подходящей для нашего случая молитвы, и не будешь думать о чем-то своем, – ответила Авэйна.

– Ты меня обижаешь. Можно молиться и своими словами, – возразила Амилла раздраженно.

– Не стоит проявлять гнев в храме, – голос Авейны по-прежнему оставался спокойным, что дополнительно злило Амиллу, но она решила не спорить со своей праведной сестрой.

Авэйна нередко проводила свободное время в храме, и знала о молитвах больше, чем остальные сестры и все придворные дамы. Молитвы помогали ей всегда сохранять душевное равновесие. И сама она была похожа на святую деву, сошедшую с фресок. Темные волосы подчеркивали благородную белизну ее кожи. У нее был высокий лоб, изящный прямой нос, и большие глаза, голубые, как чистое весеннее небо. Улыбка ее всегда была легкой и чуть загадочной, но скорее саркастичной, чем кроткой.

Младшая принцесса тоже была красива, но по-другому. Как и королева Анхейлис, Амилла имела густые рыжие волосы, завивающиеся в локоны. У нее были зеленые глаза и яркие губы. Улыбка ей особенно шла, озаряя ее лицо как солнце.

Их старшая сестра Эрис тоже была обладательницей кра-

сивых зеленых глаз, больших и немного кошачьих. У нее был точеный профиль, брови вразлет и темные как у Авейны волосы. Она была немного выше ростом, чем остальные сестры.

Бримон Дорнэль, оруженосец короля, молодой человек знатного рода, сын графа Дорнэля, проснулся от того, что услышал шепот своей возлюбленной:

– Бримон, колокол уже бьет первый утренний час.

Из приоткрытого окна в комнату проникал легкий весенний ветерок вместе с ароматом цветущей сирени, трелями соловья и монотонным звоном храмового колокола.

– Так не хочется уходить, – Бримон потянулся на шелковых простынях и заключил в объятия принцессу Амиллу. Она смеясь, поцеловала его.

– Как бы тебя тут не обнаружили, – Амилла села на кровати. – Я слышала как кашляет дэйна Дениза, она все время кашляет, когда просыпается.

Бримон вспомнил, как ночью он высчитывал время, чтобы не нарваться на обход стражи, а потом тихо пробирался через проходную комнату, где спали фрейлины. Вряд ли он сможет сейчас уйти тем же путем так, чтобы его никто не заметил.

– Я выберусь через окно, – Бримон улыбнулся. – Там не так уж и высоко.

Амилла посмотрела на него недоверчиво, потом выскочи-

ла из постели, и, распахнув тяжелые рамы, выглянула в окно.

– Садовник уже трудится. Лишь бы он тебя не заметил, – прошептала Амилла, разглядывая молодого человека, подвязывающего белые розы в саду.

– Что же этим простолюдинам не спится, – Бримон скрипелся.

За дверью послышался шорох и разговоры просыпающихся дам. Бримон торопливо оделся и подошел к окну.

– Я буду ждать тебя ночью, – шепнула Амилла ему на ухо. – Береги ключ.

– Конечно, моя принцесса, это самая большая драгоценность, которая у меня есть, – Бримон поцеловал веснушки на щеках возлюбленной, потом ловко вылез в окно, повис на руках, держась за карниз, и спрыгнул в благоухающий куст сирени.

Садовник обернулся на звуки ломающихся ветвей и проводил взглядом Бримона, скрывшегося в листве, а потом заметил наблюдающую из окна Амиллу, и поклонился ей. Принцесса, пряча обнаженную грудь под рыжими локонами, поспешно закрыла раму. Ее охватило беспокойство – как бы садовник не рассказал кому-нибудь об увиденном. Принцесса взяла из ящика стола кошелек, и высыпала деньги на ладонь. «Надеюсь, ему хватит пары серебряных монет за молчание, – думала она, – но если он попросит золотой лорн, то получит и его».

Королева Анхейлис с балкона наблюдала за суетой во дворе. Король решил развлечь себя и свой двор соколиной охотой в этот солнечный день. Из конюшен уже выводили лошадей, из псарни собак, сокольничий готовил птиц. Охотники собирались во внутреннем дворе замка. Королева любила выезжать на охоту, но с недавних пор принимать участие в подобных мероприятиях стало для нее невозможным, и сейчас она с тоской смотрела на сборы.

Анхейлис решила пожелать своему мужу хорошего дня. В сопровождении дам из своей свиты, она вышла на лестницу и встретила там принцессу Эрис, тоже спускающуюся во двор. Темные волосы принцессы были заплетены в косу; одета она была в мужской костюм и высокие сапоги, удобные для верховой езды.

– Матушка, – улыбнулась Эрис, – вы снова останетесь в замке?

– Конечно, – ответила королева. – Как бы мне не хотелось поехать с вами, увы, мне опасно ездить на лошади. Ты ведь сама знаешь.

– Как Вы себя чувствуете сегодня?

– Утренняя слабость прошла, и теперь я чувствую себя вполне хорошо.

– Тогда почему бы Вам не присоединиться к нам? Вы можете ехать медленно.

– Ну что ты, Эрис, мне лучше побережись.

Они вышли из широких дверей во внутренний двор. Глав-

ные ворота замка уже были открыты, подъемный мост опущен, и сквозь проем виднелись улицы города, освещенные еще не жарким утренним солнцем.

Король Ривальд восседал на своем вороном жеребце. Рядом стояла лошадь Эрис, ее держал за поводья один из оруженосцев короля – Сайн Талед, полноватый молодой человек с непослушными кудрявыми волосами.

– Наконец-то! – сказал король, увидев Эрис, – Что же вы, женщины так долго собираетесь? Тебя все заждались.

Эрис извинилась за опоздание и села в седло. Анхейлис и ее дамы пожелали охотникам удачи, и король со свитой выехал из замка.

Принцесса Эрис была столь же неумоима, как и ее отец. Она практически всегда находилась подле короля, где бы он ни был. Даже когда король отправлялся объезжать свои владения, а это могли быть долгие путешествия, она предпочитала ехать с ним. Король не был против, но с условием, что ее сопровождали несколько дам, чтобы дочь не находилась одна в мужской компании среди его людей.

Королева, напротив, предпочитала жить в Вальдане – столице королевства Луарон, и практически не выезжала из Вальданского замка, жизнь в котором была комфортнее, чем где бы то ни было в королевстве.

Авэйна сидела в библиотеке у окна на широкой лавке, на мягких подушках – своем любимом месте. Перед ней на сто-

ле лежал тяжелый манускрипт о строении небесных сфер, и принцесса увлеченно читала страницы одну за другой. Это была старинная книга, но далеко не первая из старинных, которую читала Авэйна, и принцесса легко справлялась со строками плотного текста без пробелов, ведь в прежние времена было принято писать именно так.

Придворный алхимик и врач Азистор Гаттэлан сидел за другим столом у соседнего окна и сосредоточенно переписывал древний труд по медицине, добавляя свои комментарии. Иногда он почесывал короткую седую бороду и поправлял сползающие с носа складные очки. Пожилая фрейлина расположилась в кресле в дальнем конце зала с раскрытым томом новелл на коленях и еле слышно посмеивалась над прочитанным. Паж Кайль, забравшись на лестницу, искал на верхних полках какую-то редкую книгу для Авэйны.

Двери библиотеки скрипнули, и вошла королева Анхейлис. Она была одна. Ее свита осталась за дверью, чтобы не нарушать тишину этого места. Воздух наполнился запахом роз и пряностей. Любимые духи королевы пахли как десерт, подаваемый на пикнике в весеннем цветущем саду.

Алхимик, фрейлина и паж поклонились ее величеству. Авэйна же с трудом оторвалась от своего чтения.

– Дочь моя, я так и знала, что найду тебя здесь, – Анхейлис, шурша платьем из парчи, присела рядом с принцессой. – Ты даже не вышла проводить отца на охоту.

– Он уже уехал? – удивилась Авэйна. – Я зачиталась и не

заметила как прошло время.

– Тебе ничего не интересно, кроме твоих книг. Ты совершенно не дышишь чистым воздухом, а только пылью библиотеки и благовониями церкви. Лучше бы ты поехала на охоту.

– Матушка, мне это скучно и не интересно. Я знаю, что вы сами хотели бы поехать, но не можете. Не все имеют одинаковые желания.

– Да, я бы хотела. А ты имеешь такую возможность и не пользуешься ею. Эрис, напротив, не пропускает ни одного конного выезда.

– А не пыталась ли Эрис уговорить вас поехать?

– Нет, она просто предложила. Она еще не знает, что такое беременность.

– Я так и знала! Это выдает ее недобрые намерения, – взволнованно сказала Авэйна.

– Что ты имеешь в виду, дочь моя?

– Матушка, вы разве до сих пор не заметили, что больше всего на свете Эрис боится, что у вас родится сын?

Королева, услышав это, нахмурила брови.

– Почему ты позволяешь себе говорить так о своей старшей сестре? Эрис понимает меня, она тоже любит охоту, и она не желает мне ничего дурного! К тому же, почему ты решила, что родится мальчик, ведь может быть снова девочка.

– Но может быть и мальчик.

Анхейлис погладила себя по животу.

– Мне все равно кто родиться. Я буду любить и сына, и дочь, – королева улыbnулась, поправляя рыжий локон, выбившийся из ее аккуратной сложной прически.

– А отец хочет сына, – не унималась Авэйна, – и говорит о будущем ребенке, только как о сыне. Это будит в Эрис ненависть к еще не родившемуся младенцу! Она часто бывает с отцом, интересуется его делами, в той мере, в какой он ей это позволяет. И она постоянно слышит от него о наследнике, которого он так ждет! А ведь всегда наследницей была она.

– Авэйна, откуда у тебя такие мысли? – удивилась королева. – Ты же праведная, добрая девушка. Почему ты так плохо думаешь о своей сестре? У нее нет причины ненавидеть наследника, ведь она выйдет замуж за короля Гвилема из Гриадора, когда тот вернется из паломничества. Она уже давно ему обещана.

– Эрис никогда его не видела. И она прекрасно понимает, что в его королевстве ее голос будет последним после него и его матери. Лардана Гриадорская ведь уже исполняет обязанности регента, пока король Гвилем путешествует в святые земли. И неизвестно еще, вернется ли он оттуда, мало ли что. А Эрис погрязла в злых мыслях, я это вижу по ее лицу. И в храме она скучает и зевает, видно что только и ждет, когда закончится служба.

– Зато ты только и делаешь, что молишься и читаешь. Эрис интересуется охотой и делами короля, Амилла играет на лютне, поет и прекрасно танцует. А ты сидишь за книга-

ми целыми днями как монахиня, избегаешь общества дам. И это даже немного неприлично.

– Мне не интересно общество дам. Я читаю не развлекательные стишки о невозможной любви, как Амилла, а труды ученых богословов и алхимиков, и знаю об этом мире уже гораздо больше многих. И все эти песенки с танцами я нахожу пустыми забавами и ерундой, а разговоры придворных дам скучными и бессмысленными.

– Авэйна, тебе следует унять свое высокомерие. Благородная девушка должна уметь поддерживать светский разговор даже на простые темы.

– Я это умею, матушка, но мне не хочется и не интересно. Анхейлис вздохнула и поднялась. Она решила вернуться обратно к дамам.

Авэйна продолжила читать манускрипт о строении небесных сфер, и читала достаточно долго, пока не заметила, что пожилая фрейлина, сидевшая в дальнем конце библиотеки с томиком новелл на коленях, задремала, откинув голову на спинку кресла. Тогда принцесса тихо подошла к Азистору Гаттэлану и заявила о своем намерении пойти в сад.

– Пожалуйста, не будите бедную дэйну, – Авэйна покосилась на спящую фрейлину. – Ее мучает бессонница по ночам.

– Тогда, пожалуйста, я провожу вас, – алхимик неохотно поднял голову от своей работы.

– Я не хочу отвлекать вас от дела, которым вы так увлече-

ны, – ответила принцесса. – Меня проводит Кайль.

Услышав это, паж оставил книги и спустился с лестницы. Алхимик не был против, он не хотел отрываться от своего труда. Как только они вышли за дверь, Авэйна приказала Кайлю оставить ее. Она умела улизнуть от надзора фрейлин не хуже своей сестры Амиллы. Авэйна хотела пройтись по саду наедине со своими мыслями.

В замке было тихо, двор был пуст. Принцесса направилась в сад. Там, под кронами деревьев, было прохладно и свежо. Благоухала сирень, птицы заливались на разные голоса.

Авэйна гуляла по мощеной камнем дорожке, и дойдя до садового фонтана, присела на скамью. Она наслаждалась журчанием воды, пением птиц и запахом цветов, и размышляла о том, что прочитала в манускрипте про небесные сферы, когда вдруг заметила движение за кустом сирени. Ей показалось, как будто рыжие волосы блеснули на солнце.

Она встала, подошла ближе, отодвинула полные цветов ароматные ветви, и чуть не лишилась чувств от увиденного. Там была принцесса Амилла вместе с садовником. Этот негодяй целовал ее младшую сестру, обхватив руками за талию, а Амилла даже не думала сопротивляться.

– О, всевидящий Олэм! Что я вижу! – ахнула Авэйна, – Ты... моя сестра! Какой позор! Я думала, ты на охоте, а ты здесь... у меня нет слов!

Садовник и принцесса Амилла насмерть перепуганные,

отпрянули друг от друга.

– Авэйна, никому не говори, – пыталась убедить сестру Амилла, но та не обращала на ее слова никакого внимания.

– Как ты посмел? – Авэйна гневно посмотрела на садовника, и закричала, хватая за руку попытавшуюся ретироваться сестру: – Стража, сюда! Стража!